

Бессанова Е.С. Роберт Бернс
в переводе С. Маршак.
Черновик, 1959.

59-91973

Великий поэт Шотландии Роберт Бернс не раз подвергался нападкам реакционной критики. Его всячески чернили и опутывали клеветой. «Изысканная» буржуазная критика называла его народную поэзию «грубой», «вульгарной», а самого поэта изображала опустившимся человеком, необузданный характер которого приводил его ко всяким неприятностям. Образ «пьяного гуляки», «поэта вина и веселья», «сельского Дон Жуана» то и дело мелькает в жизнеописаниях Бернса, принадлежащих перу буржуазных исследователей (Thomas B. Shaw, L. Hale, J. Currie, R. Heron, J. Blackie).

Другая часть буржуазных критиков подходила к оценке творчества народного поэта с объективистских позиций, не показывала корней его поэзии. Эти исследователи замалчивали или смягчали антиклерикальные и насыщенные социальными мотивами произведения Бернса (J. G. Lackhart, P. Sairp, K. Henderson, P. Chambers и др.).

Сын бедного фермера, с ранних лет занимавшийся трудом землепашца, Бернс был связан с крестьянством неразрывными узами. Он жил его радостями и интересами, его нуждами, страданиями. Он изобразил крестьянскую жизнь не как посторонний наблюдатель, подобно поэтам-сентименталистам, а как непосредственный ее участник. Бернс показал крестьянина как любимого своего героя, социально близкого ему человека. Резко критикуя мир имущих и привилегированных, поэт все свои симпатии отдавал простому народу.

Передовое человечество высоко оценило творчество великого поэта Шотландии. В своих «Воспоминаниях о Марксе» П. Лафарг пишет, что Бернс был его «любимейшим поэтом». Великие художники слова (Байрон, Вальтер Скотт, Лонгфелло, Гете, Шевченко, Некрасов) с большим интересом и симпатией относились к поэзии Р. Бернса. В. Г. Белинский включал творчество шотландского поэта в «богатейшую сокровищницу лирической поэзии».

Но буржуазные литературоведы России, как и буржуазная критика за рубежом, часто обходили молчанием революционные настроения Бернса, представляя его легкомысленным составителем любовных песенок (Л. Плюшар, В. Стороженко, Н. Гербель, Г. Геттнер, И. Белоусов и др.). В некоторых работах, принадлежащих русским буржуазным критикам, затрагивался важный вопрос о политических взглядах Бернса, но в очень незначительной степени, причем нередко

авторы этих работ искажают мировоззрение поэта (П. Вейнберг, В. Костомаров, И. Н. Иванов, А. Н. Веселовский).

Таким образом, несмотря на отдельные попытки верно раскрыть демократическую поэзию и политический облик поэта, перед русским читателем Бернс предстал как певец приrody и любви, вся же социально насыщенная его поэзия, связанная с основными мотивами его творчества была опущена. Эта оценка творчества шотландского поэта настолько утвердилась, что нашла отражение даже в советском литературоведении 30-х годов.¹ Только несколько лет спустя, благодаря глубокому и всестороннему исследованию С. Орлова, М. Гутенра, М. Морозова, А. Елистратовой и Л. В. Севрюгиной, были разбиты попытки некоторых литературоведов смягчить обязательную струю в поэзии Роберта Бернса.

И в наше время реакционные зарубежные критики не щадят народного поэта. Они всячески стараются принизить его талант, объявляют Бернса непонятым англичанам поэтом, имеющим лишь узко ограниченное, «региональное» значение. Не так давно в лондонской газете «Таймс» английский литературный критик Л. Хейль писал, что слава Бернса «раздута», что это «второстепенный» поэт, т. е. к творчеству его не доступно англичанам из-за шотландского диалекта.

Пытаясь помешать популяризации народной поэзии Бернса, английские и американские буржуазные литературоведы твердят о «непереводимости» стихов шотландского поэта. Когда-то в России также существовало подобное мнение. Так, еще в 1862 г. В. Костомаров писал в предисловии к сборнику «Поэты всех времен и народов», что «тщного, и вместе с тем вполне безукоризненного по форме перевода» из Бернса сделать «решиительно невозможно». Даже в советском литературоведении 30-х годов можно было встретить подобные же суждения о невозможности полноценных переводов из Бернса.²

Эти утверждения объясняются отчасти тем, что переводить Бернса значительно труднее, чем многих других поэтов. Непринужденность, задушевность песенных размеров, смелое обращение с рифмой, своеобразие ритмики и самого языка — все это осложняет работу переводчика. Народные песни шотландского поэта переводить примерно так же трудно, как

¹ См. С. Бабух. Предисловие к кн. «Роберт Бернс». Избранная лирика. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник, М., ГИХЛ, 1936, стр. 16.
² В. «Лирика Р. Бернса» в ж. «Книжные новости», 1936, № 9, стр. 9.

² См. С. Бабух. Предисловие к кн. «Роберт Бернс», Избранная лирика. Перевод с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник, М., ГИХЛ, 1936, стр. 17.

Шевченка и Кольцова. Однако, несмотря на эти трудности, утверждение о «непереводимости» произведений Бернса лишено оснований. Созданная буржуазными лингвистами идеалистическая «теория непереводимости» основана на реакционном утверждении о «непознаваемости национального духа». Непереводимых поэтов нет.

В нашей работе мы попытаемся доказать посредством анализа русских переводов из Бернса, и прежде всего переводов С. Маршак, необоснованность утверждений реакционной критики о «непереводимости» бернсовских произведений.

При анализе переводов произведений Бернса мы стремились придерживаться принципа, утвержденного в последних работах советских переводчиков, который, несомненно, является единственно правильным. Суть этого принципа в том, что при оценке перевода надо исходить не из отдельных удач или промахов переводчика, а из соответствия образов оригинала образам перевода. Для сопоставления их мы, разумеется, обращаемся к конкретному материалу, к словам, фразам, ни на минуту не теряя при этом из виду образа, выраженно-го ими, и связи детали с целым. Лингвистика при этом служит подсобным средством для литературного анализа и сравнения.

* * *

Самобытный стиль Роберта Бернса действительно труден для перевода. Сложность заключается вовсе не в диалектизмах, которые, по мнению буржуазных литературоведов, мешают пониманию бернсовских стихов. Шотландские элементы в стихах Бернса это не столько сами слова, сколько звучание их. Южно-шотландское наречие (Lowland Scottish), на котором писал Бернс, отличается от английского, лондонского, в основном только произношением. В нем более открытые певучие звуки, которые так удачно передают лирические интонации стиха. Бернс умышленно выбрал его для своих стихов. По его мнению, оно более подходит для выражения чувств и интонаций национальной шотландской песни. Поэт влетает в ткань своих стихов шотландские элементы, чтобы сделать их более близкими, более понятными народным массам. Эту функцию бернсовских диалектизмов создающих народные, бытовые интонации в его стихах, легко передать на другом языке.

Гораздо сложнее сохранить удивительную свежесть образов, меткость, вещественность ярких эпитетов Бернса. И сравнений, передать умение поэта подчеркнуть самое главное в описываемом.

Прелесть песен Бернса заключается в их искренности и простоте, отличающей произведения народного творчества. Однако эта простота вовсе не является следствием бедности мышления, языка или художественных средств поэта. Профессор Ф. Б. Снайдер, говоря об исключительном богатстве словаря Бернса, подчеркивает сложность его состава и отмечает, что его можно сравнить только со словарем Шекспира и Мильтона. Искусством подбора слов и мастерским созданием оригинальных сочетаний Бернс еще более обогащает родной язык. Поэт тщательно отделяет каждую строку своего стихотворения, следит за четкостью и выразительностью речи, добиваясь отчетливости мысли, художественной простоты. Бернс достигает простоты и ясности образа тем, что пишет просто и экономно. Образ тем более ярок и осязаем, чем меньше затрачено на него слов. Язык Бернса отличается исключительной афористичностью. Один из исследователей творчества поэта отмечает, что, благодаря простоте и яркости стиля, Бернс превратился в «словарь поэтических цитат».

Исключительную сжатость, лаконизм и динамичность бернсовских строк трудно отразить в русских стихах. Но, пожалуй, больше всего мастерства требуется при передаче своеобразной формы произведений народного поэта Шотландии. Поэт мастерски синтезировал области поэзии и музыки. Он писал свои стихи обычно на какой-нибудь мотив, на уже ранее существовавшую мелодию. Этим и объясняется их исключительная напевность. Богатая и разнообразная ритмика стихов поэта служит глубококому воспроизведению человеческих чувств и дает непосредственное отражение сложных душевных переживаний. Для поэзии Бернса характерна смена размеров, смена ритмов в пределах одного поэтического произведения, что создает своеобразную мелодию песни. Нужно быть истинным художником, чтобы воспроизвести песенную мелодию стихов Бернса, определяемую разнообразным музыкальным ритмом, чтобы не нарушить сложных строф поэты, оригинальных неожиданных рифм, чтобы сохранить многочисленные повторения, создающие напевность стихов.

Однако, не отрицая трудности, связанные с передачей стиля и специфики языка бернсовских произведений, мы не можем согласиться с буржуазной теорией о невозможности перевода шотландского поэта на другие языки. Конечно, не все элементы стихов поддаются переводу. Нередко приходится жертвовать отдельными частностями. Но ведь задачей переводчика вовсе не является передача этих частных оригиналов. В каждом переводе можно найти отдельные неудачи. Дело не в них. Задача перевода сохранить идею оригинального произведения, его образы, стиль, возбудить в читателе то

настроение, то впечатление, какое сообщается и подлинником. По словам В. Г. Белинского.

«Правило для перевода художественных произведений одно — передать дух переводимого произведения, чего нельзя сделать иначе, как передавши его на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он был русским».¹

При определении полноценности перевода и следует исходить из этого «правила», т. е. как верно переводчик сумел передать «дух» оригинала, его индивидуальное своеобразие.

*

*

*

Вопрос о русских переводах из Роберта Бернса затрагивался С. А. Орловым. Мы имеем в виду его статью «Бернс в русских переводах», напечатанную в Ученых записках Ленинградского ГПИ им. Герцена (т. 26, 1939 г.). Статья С. А. Орлова дает нам хорошо разработанную библиографию по интересующему нас вопросу, но, к сожалению, автор ее не останавливается подробно на анализе самих переводов. Между тем, очень интересно проследить, на каких образах русский читатель знакомился с поэзией Бернса, как формировалось у него представление о подлинном облике поэта.

Роберта Бернса начали переводить в России давно. Уже в 1800 г. в журнале «Иппокрена» (ч. 7) был помещен прозаический перевод небольшого стихотворения шотландского поэта «В честь Томсона». Правда, выбор этого произведения был случайным и объяснялся скорее интересом к Томсону, чем к Бернсу. Значительно позже появились стихотворные переводы из Бернса И. И. Козлова («Субботный вечер первьянина», «К полевой маргарите»). Они-то и явились первыми переводами, познакомившими русскую общественность с народным поэтом Шотландии. Верную оценку переводов Ив. Козлова мы находим в рецензии Н. Полевого, помещенной в журнале «Московский телеграф», к. 21, 1829 г. Автор рецензии правильно отмечает, что И. Козлов несколько искажил образ Бернса, представил его односторонне, как простого крестьянина, «который между прочим напевает на поэтической свирелке». Козлов не понял характера народной поэзии Бернса.

В переводческом произволе упрекает И. Козлова В. Г. Белинский, статья которого «Собрание стихотворений Ивана Козлова» появилась 1841 г. в «Отечественных записках». Не смотря на недостатки, переводы И. И. Козлова ценны уже потому, что они явились первой попыткой популяризировать стихи народного поэта Шотландии в России.

¹ В. Белинский, Соч. т. 2, М., 1883, стр. 287.

С течением времени появляются все новые переводы из Бернса, а в журналах мы встречаем ряд статей, посвященных творчеству шотландского поэта. Нужно заметить, однако, что очень немногие переводчики дореволюционного периода дали русскому читателю верное представление об идейной направленности творчества Бернса и его художественном мастерстве. В большинстве своем русские дореволюционные переводчики, как и критики, шли по стопам зарубежных буржуазных литературоведов в оценке творчества шотландского поэта. Они представляли Бернса как певца любви и природы, как поэта-сентименталиста. В этих переводах часто наблюдается стремление навязать автору чуждые мысли и настроения. Степень изменения подлинника в них различна: от небольших «нейтральных» изменений, в силу «требований языка» или вкуса (Н. Нович, П. Драгоманов, М. Российский и др.) и до прямой фальсификации, когда под маркой переводимого автора проводится пропаганда своих идей, своих взглядов (В. Костомаров). Ведь перевод неизбежно отражает мировоззрение переводчика. Полноценный, верный перевод может дать только тот переводчик, которому близки, понятны настроения и замысел автора.

В первую очередь изменения затрагивают содержание подлинника, но неразрывная связь содержания и формы немедленно сказывается и на стилистическо-языковых особенностях оригинала: лексическом отборе, семантическом наполнении слов, вплоть до ритмики в стихах. Такие переводчики занимались «украшательством» поэзии Бернса, произвольно вводя в подлинник условные поэтизмы (О. Чюмина, К. Бальмонт, Л. Василевский и др.). Многие совершенно игнорировали форму оригинала. Они искажали строфику Бернса, нарушая ритмический рисунок его стихов и своеобразие рифмы. Нередко разбивка строк в переводе тормозит движение бернсовских стихов. Свообразные мелодии народных бернсовских песен не сохранились в этих переводах (П. Вейнберг, О. Чюмина, А. Федоров, Д. Миннаев и др.).

Исключением являются замечательные переводы поэта-революционера М. Михайлова и горячего последователя Чернышевского, В. Курочкина, которые появились в печати в 60-е годы. Эти переводы отличаются большой свободой, но они обладают высокой поэтической верностью оригиналу. Внешние отступления от текста подлинника обусловливаются стремлением точнее передать основную идею произведения. Реализм в изображении, своеобразие и свежесть красок, четкость мысли и искренность чувств нашли в них верное отражение.

Простота бернского стиля, народный юмор, живые интонации и ясность бернсовских стихов довольно удачно переданы в более поздних переводах Л. Андрусона.

Правда, эти отдельные переводы не смогли раскрыть во всей полноте перед русским читателем своеобразие демократической поэзии Роберта Бернса. Однако следует помнить, что каждый перевод неизбежно отражает требование своей эпохи. А требования к переводу в ту пору были не очень высокими. С точки зрения того времени переводы, которые сейчас нам кажутся неполноценными, были не хуже других и сыгнали положительную роль в деле популяризации поэзии Бернса.

* * *

Перевод есть форма идейного и художественного отражения оригинала. В нем непременно проявляется определенная идеология. Для идейно правильного истолкования переводимого текста нужен правильный выбор языковых средств. Принципы идейности играют решающую роль при выборе переводимого произведения и автора. Не случайно советских переводчиков привлекало творчество Бернса, подлинно народного поэта. Интерес к его поэзии проявляется с первых же дней советской власти. Так уже в 1918 г. редакция журнала «К солнцу» (№ 1) публикует заметку о Бернсе и несколько его произведений в переводе Л. Андрусона. Уже здесь, в первой небольшой заметке советская критика дает верную оценку народному поэту Шотландии.

Демократические, свободолюбивые мотивы творчества Бернса ярче всего отражены в произведениях советских переводчиков. Несмотря на большую свободу, несомненной интонационной верностью обладают переводы Э. Багрицкого и Андрея Глобы. В них звучат свободолюбивые мотивы бернской поэзии, смелый протест против социальной несправедливости. Правда, в них не всегда сохраняется индивидуальная поэтическая манера автора.

Близостью к подлиннику отличаются многочисленные переводы Т. Л. Щепкиной-Куперник. Но переводчица заслуживает упрека в том, что небрежно отнеслась к форме бернсовских произведений. Кроме того, Т. Л. Щепкиной-Куперник иногда не удается передать искренность чувств, характерную для песен Бернса. Переводчик должен по возможности преобразовать в переводимого автора, воспроизвести не только его мысли, но его жесты, улыбки. Ведь интонации во всяком поэтическом произведении играют первенствующую роль. Они не всегда верно отражены в переводах Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Интерес к народной поэзии Бернса возрастал по мере того, как советский читатель узнавал подлинные черты его поэтического творчества. Советское литературоведение опровергает клевету буржуазной критики и дает верный анализ творчества Роберта Бернса. Особое внимание к поэзии Бернса вызвали замечательные переводы С. Я. Маршака. При всех достоинствах прежних переводов (М. Михайлова, В. Курочкина, Т. Л. Щепкиной-Куперник) именно переводы Маршака дали русскому читателю подлинного Бернса, вызвали любовь к его поэзии.

* * *

С. Я. Маршак начал переводить Бернса еще в 1924 г., но занялся им всерьез позже, примерно в 1936 г. В своем творчестве он продолжает славные традиции русского поэтического перевода, основоположники которого (Жуковский и Пушкин) считали, что только большая творческая свобода по отношению к оригиналу дает переводчику возможность передать поэтические ценности подлинника во всем их своеобразии на родном языке переводчика. Одна из особенностей подлинно художественных переводов заключается в том, что они не только знакомят читателей с культурными ценностями, созданными на другом языке, они по-новому открывают перед читателем то своеобразное, что характерно для этих ценностей.

Переводы С. Я. Маршака дают наиболее верное представление о поэзии Роберта Бернса. Ему по праву принадлежит первое место среди русских переводчиков Бернса. В переводах Маршак творчески обрабатывает оригинальное произведение; он сохраняет свою поэтическую манеру, и в то же время он схватывает самое главное, самое характерное в творчестве шотландского поэта. Основные бернсовские мотивы — радость труда, свободолюбие, презрение к деньгам — хорошо переданы советским переводчиком.

Маршак мало уделяет внимания отдельным словам, частностям, но его переводы обладают исключительной поэтической верностью подлиннику в целом. Это единственно правильный метод художественного перевода. Переводчик получает готовое произведение, где слова и конструкции подчинены основной задаче автора создать определенные образы, и переводчик обязан передать эти образы, используя все возможные лексические и грамматические средства другого языка. Только там, где верность подлиннику соединяется с духом творчества и следование за буквой перевода не стесняет творческую свободу художника, не превращает его в пленника

чужого языка, только там перевод обретает прелесть оригинального произведения.

Переводы Маршака характерны не буквальностью близостью к подлиннику, они поражают верностью идей, образов, интонаций и полным ритмическим соответствием стиху оригинала. Существует мнение, что переводчик имеет право и должен переводить только то, что ему внутренне близко, только тех авторов, с которыми он чувствует родство. Что эта мысль верна, подтверждают переводы С. Маршака из Бернса. Именно потому, что поэзия Бернса оказалась внутренне близка переводчику, он сумел передать не только музыку бернсовских стихов, но и душу его поэзии.

Переводы Маршака из Бернса пользуются большой популярностью не только среди советских писателей, их знают и ценят в Англии и на родине Бернса. Как справедливо отмечает в своей статье А. Лейтес: «Переводы С. Маршака не только открыли Роберта Бернса для наших читателей, они помогают самим англичанам глубоко осознать и решительно отстаивать образы своего классического наследия»¹.

Маршак открывает русскому читателю разные стороны многогранного таланта Роберта Бернса. Шире всего представлены в его переводах песни шотландского поэта. Это и естественно, — ведь народные песни составляют основу бернсовского творчества. Их веселый мир, задушевность и теплоту интонацией отражает Маршак в своих переводах. Особую трудность при переводе лирических песен Бернса представляет сочетание естественности и непосредственности повседневной разговорной речи с музыкальной мелодичностью. Заслуга Маршака в том, что он дал подлинно лирическое, поэтическое истолкование песен шотландского поэта. Он бережно сохранил присущую им простоту и красочность народного языка, прямоту, непосредственность тона. Особое внимание обратил переводчик на передачу звучания, мелодии бернсовских песен. Ведь именно она придает песне своеобразную окраску.

К каждому стихотворению Маршак подходит по разному. Он умело находит то главное, что определяет своеобразие оригинала, и подчиняет все средства русского языка выявлению его. В «Финдлее» и «Нэнси» — это сжатость, лаконичность диалога, живой юмор простонародной речи; в «Застольной» и «Джоне Андерсоне» — глубокий лиризм бернсовских сопоставлений; озорные шаловливые интонации в песне «Ты свистни...»; однообразные повторы, выражающие

¹ А. Лейтес, Художественный перевод как явление родной лит.-ры. В кн. «Вопросы художественного перевода», М., 1956, стр. 106.

безысходное горе в стихотворении «Ты меня оставил, Джем» и т. д.

Бернс взял все лучшее из народной песни, перенес в свое творчество все ее своеобразие, ее народный «дух», музыкальность, простоту тона. Но талантливый поэт обогащает старую форму шотландских песен новым содержанием, насыщая свою лирику социальными мотивами. Социальная лирика Бернса мало представлена в прежних русских переводах. Протестующий голос поэта заглушали сентиментальные мотивы, которые выдвигала на первый план в бернсовской лирической поэзии большая часть дореволюционных переводчиков.

С. Маршак выбирает для своих переводов наиболее характерные для творчества народного поэта произведения. Здесь и песни о несчастной любви, которая всегда осложнена несправедливостью буржуазного общества, здесь и веселые песни, славящие чистую любовь бедняков. Гуманистическое обличение хищного и жадного мира, где на смену феодальному варварству приходит жестокая власть денег, нашло в переводах Маршака глубокое выражение. Советский переводчик заново перевел целый ряд произведений Бернса, которые были знакомы русскому читателю по прежним переводам, давая наиболее верное их истолкование, возрождая их к жизни («Как родители жестоки», «Лорд Грегори», «Доволен я малым», «У меня есть жена»; «Веселые нищие» и др.).

На основе народной песни Бернс создает политические песни, в которых высказывает свои демократические взгляды. Очень немногие из них были знакомы русскому читателю до переводов С. Маршака. Советский переводчик представил нам наиболее яркие примеры революционно-демократических песен шотландского поэта, раскрывающие перед читателем образ пламенного борца за свободу. Среди них следует приветствовать французскую революцию. Буржуазные литераторы замалчивают это замечательное стихотворение. Оно было напечатано только через 40 лет после смерти Бернса. Перевод С. Маршака явился первым русским переводом революционной песни «Дерево свободы». Несмотря на отсутствие внешней близости к подлиннику, этот перевод полностью воссоздал поэтические образы и основную идейную направленность бернсовской песни, сохранил силу и звучность стихов.

Любопытен также перевод песни «Тост», с которой Маршак познакомил нас совсем недавно. В ее стихах встречаются строки, совпадающие с отдельными местами книги знаменитого английского публициста Тома Пейна «Права человека». Свободолюбивые, демократические настроения Бернса верно

отражены в переводе Маршака. Переводчик хорошо пересоздает художественно-стилистические особенности песни. Ее язык очень прост. Маршак как и Бернс избегает высоко поэтических эпитетов, замысловатых метафор. Меткие лаконичные стихи превращаются порою в лозунги:

Свободе — привет и почет.

или:

Да здравствует право читать.

Да здравствует право писать;

Едва ли не самым популярным стало у нас в переводе Маршака одно из программных произведений Бернса «Честная бедность». Оно чрезвычайно характерно для Бернса и по мысли и по форме. В этом произведении высказаны основные мотивы всего творчества шотландского поэта — презрение к богатству, к титулам, прославление свободы человеческой личности, вера в победу демократии.

Известно два перевода «Честной бедности», выполненных до Маршака. Один из них принадлежит В. Костомарову, второй — Т. Л. Щепкиной-Куперник. Первый переводчик совершенно искажил идею, фальсифицировал смысл одного из лучших произведений Бернса. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник внешне близок к подлиннику, но и он навязывает автору чуждые настроения. Ни в одном из прежних переводов демократические мотивы песни не звучат так четко, как в стихах С. Я. Маршака. Он сумел передать и содержание и живой юмор, и своеобразие стиля подлинника. Маршак дает почувствовать прелесть игры словом, ритмичность словесных сочетаний, музыку стиха.

В переводах Маршака мы познакомились с целым рядом песен, в которых Бернс поет о родной стране, о ее героях. Чистота и свежесть пейзажей гармонирует в них с простыми чувствами («Мое сердце в горах», «Скалистые горы», «Прощай» и др.). Бернс восхищался беспредельным мужеством шотландцев в борьбе за национальную свободу, их честностью и трудолюбием. Песни Бернса о родине привлекали своим большим искренним чувством многих русских поэтов, но только Маршаку удалось передать всю глубину этого чувства, искренность интонаций. Бернс не может смириться с тем, что его родина потеряла независимость. Борьба за свободу Шотландии посвящены многие песни народного поэта («Шотландская слава», «Макферсон перед казнью», «Брюс — шотландцам» и др.). Переводы Маршака отражают всю горечь, боль поэта за угнетенную родину, ненависть к шайке изменников, продавших Шотландию англичанам «за горсть презренных денег». Бернсовский призыв к борьбе за свободу звучит в стихах Маршака со всей силой.

Более поздние переводы Маршака раскрывают сатирический дар шотландского поэта. В дореволюционных русских переводах сатира Бернса почти не затронута. Читателю были известны, причем по довольно слабым переводам, кантата «Веселые нищие», песни которой насыщены сарказмом и бунтарским духом, поэма «Две собаки», обличающая знатных вельмож, и поэма пародийного характера «Тэм О'Шентер». Переводы эти не всегда сохраняли резкость бернсовской сатиры. Сатирическая линия творчества Бернса получила наиболее сильное звучание в переводах С. Маршака. Он представил читателю самые разнообразные сатирические приемы поэта. Здесь и пародия («Тэм О'Шентер») и аллегорическая сказка («Две собаки») и старые эпиграммы. Но наиболее поражает Бернса врага своей иронией. Она обнажает противоречия жизни и вскрывает за лицемерной поверхностью грязную действительность: («Элегия на смерть Пэг Никольсон», «Молитва святого. Вилли», «Сон», «Святая ярмарка», «Надпись на официальной бумаге» и др.). Соответствующим подбором синонимов и поэтических средств Маршак сумел воссоздать в своих стихах всю остроту бернсовских сатирических строк, сохраняя стилистические особенности и строфику оригинальных произведений. Переводчик подчиняет все средства родного языка передаче злой иронии бернсовских стихов.

Благодаря переводам Маршака, русский читатель получает представление о посланиях Бернса, этих замечательных письмах в стихах, свидетельствующих о его поэтическом мастерстве. Они поражают своей звучностью, исключительной плавностью стихотворной речи («Послание к собрату-поэту», «Послание к другу», «Послание»).

Таким образом, переводы С. Я. Маршака охватывают все периоды творческой деятельности великого народного поэта Шотландии, начиная с его ранних стихотворений, проникнутых грустью и разочарованием («К полевой мыши», «К горной маргарите»), и кончая обличительными сатирическими произведениями, характерными для зрелого Бернса. Поэзия Бернса получила не только наиболее полное, но и наиболее верное отражение в переводах С. Маршака.

В чем же состоят особенности новых переводов из Бернса, выполненных Маршаком? В чем их превосходность?

Первое — это то, что революционное содержание поэзии Бернса вскрыто в них со всей полнотой. В его переводах нет тех вольных и невольных смягчений, подтасовок и вымыслов, которые в прежних переводах фальсифицировали облик шотландского поэта. У советского переводчика так сильно развито политическое сознание, что он угадывает революционную

направленность и там, где прежнему читателю она была незаметна («Брюс — шотландцам» и др.).

Вторая особенность переводов Маршака выражается в том, что в них нет такого нарушения ритмики, какое было заурядным явлением в практике переводчиков дореволюционной эпохи. Звучание стихов Бернса, их музыка очень хорошо воссозданы советским переводчиком.

Далее мы должны отметить, как третья особенность переводов Маршака, их реализм. Прежних переводчиков смущали такие реалистические слова Бернса, которые они считали вульгарными, непозитивными. Они очищали словарь поэта от всех этих, по их мнению, «грубостей» и тем самым вытравляли из бернсовской речи многие элементы его реализма, заменяли конкретные бытовые атрибуты чем-то абстрактным. Маршак, в отличие от дореволюционных переводчиков, не сглаживает нарочитую, полемическую грубость сравнений, свежесть смелых и выразительных речевых оборотов. И даже там, где он позволяет себе довольно значительные отступления от текста, его переводы оказываются ближе к духу оригинала, к поэтической сущности, чем внешне точные переводы.

Четвертая особенность переводов Маршака заключается в строгом соблюдении народного стиля Бернса. Прежние переводчики нередко придавали народным песням шотландского поэта салонно-романсовый стиль. Маршак бережно сохраняет национальный колорит народных песен.

Таким образом, правдивые переводы С. Я. Маршака раскрыли нам подлинно народный, демократический характер творчества шотландского поэта. В них проявились полностью характерные черты его поэзии — простота и искренность, лаконизм, умение подчеркнуть самое главное в предмете, юмор и злая ирония. Советский переводчик искусно сохранил сложную строфику Бернса, его звучные рифмы, ассонансы и повторы. Переводы Маршака окончательно развеяли миф о непереводимости поэзии Роберта Бернса.

СПИСОК

напечатанных статей по диссертации.

1. Переводы В. Д. Костомарова из Роберта Бернса, Ежегодник Черновицкого государственного университета, 1956, стр. 371.
2. Русские дореволюционные переводы из Бернса. Тезисы докладов XIV отчетной научной сессии профессорско-преподавательского состава ЧГУ, 1957.
3. Некоторые особенности языка и стиля поэзии Роберта Бернса. Ученые записки ЧГУ. Сборник научных работ аспирантов, вып. 2, 1957, стр. 69.
4. Роберт Бернс в переводах С. Маршака. Ученые записки ЧГУ. Сборник «Проблема перевода и межславянских литературных связей» (к IV Международному съезду славистов), вып. 6, т. XXX, 1958, стр. 69.